

АЛЕКСЕЙ СТАЦЕВИЧ

СУМЕРЬ

Пятый слева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Стацевич
Сумерь: Пятый слева

«Автор»

2026

Стацевич А.

Сумерь: Пятый слева / А. Стацевич — «Автор», 2026

Бывает, что человека путают с кем-то другим. Окликают на улице, извиняются и идут дальше. Милована, сына гончара, спутали один раз. Разбойники в лесу приняли его за легендарного убийцу – и он не смог доказать, что никогда не держал в руках ничего тяжелее серпа. Чем дольше он спорил, тем сильнее ему не верили. Чем громче кричал правду, тем глубже вяз в чужой славе...

© Стацевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пятый слева	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Стацевич

Сумерь: Пятый слева

Пятый слева

Петля на его шее пахла пенькой и чужой смертью. Волокна уже набились в складки кожи, и когда Милован сглатывал, кадык упирался в жесткое плетение, которое оставляло на горле саднящий рубец.

Он стоял на помосте пятым слева, если считать от панихи, и смотрел на разгоряченную толпу. Осеннее солнце било в переносицу и слепило глаза, хотя утро только началось. Кто-то из толпы бросил репу, она ударилась о доски, отскочила и покатила под ноги стражнику, но тот даже не шевельнулся.

Дьяк Бессон, прозванный в народе Словоблюдом, зачитывал приговор. Бумага в его руках трепыхалась на ветру, голос дьяка срывался на высоких нотах, но слов Милован почти не разбирал. Перед глазами плыли обрывки воспоминаний. Он пытался понять, когда именно все пошло не так, и не мог, но не потому, что событий было слишком много – их, наоборот, было до обидного мало, – а потому, что слишком уж тонкой оказалась та грань, что разделяла два мгновения: «еще можно повернуть назад» и «слишком поздно». Грань, через которую его насильно перетащили.

Коза Вертуха пропала в начале лета, во вторник. Серая, хромота на левую лапу, с рваным левым же ухом. Это соседский козел драл ухо еще по весне, когда Милован поленился чинить загородку. Вертуха вторую неделю не давала молока, но баба Фрола говорила, что это от жары, что, мол, нужно просто подождать, что коза перегуливает. Отец велел найти козу до заката. «Слушай сюда, Миляй, – сказал он тогда, кое-как вытирая руки о задубевший от глины фартук. – Тварь не могла далеко уйти, ленивая она, вся в тебя. Поищи у оврага, там крапива помягче». Отца Милован послушаться побоялся, пусть и не горел он желанием шататься по оврагам. Поэтому взял мешок, веревку, краюху хлеба и вышел со двора, даже не прикрыв калитку.

Овраг начинался сразу за гончарными сараями. Летом там всегда стоял тяжелый дух: падаль, застоявшаяся вода, гниющие стебли прошлогоднего камыша. По самому краю росла крапива – высокая, зараза, в рост человека. Но козы в овраге не было.

Бормоча себе под нос то ли ругательства, то ли проклятия, Милован побрел куда глаза глядят. Прошел вдоль русла реки до старой мельницы, свернул к Кривому логу. Пусто! К полудню он забрался дальше, чем планировал, туда, где лес начинал подниматься на холмы. Тут было тише, чем в низине – не так надсадно орали птицы, – да и земля стала суше, пружиня под ногами толстым слоем хвойного опада.

Когда солнце перевалило далеко за середину неба, он заметил дым – «жидкий», прозрачный, обычно подобные костры разводят те, кто не хочет, чтобы их нашли. Милован замер. Чутье подсказывало, что нужно поворачивать назад, к деревне, к Сосновке, но перед глазами встало баткино лицо, полное разочарования в отпрыске, а в голове завертелась мысль о бабе Фроле, о том, как она будет цокать языком, узнав, что Миляюшко вернулся с пустым мешком. И причитать, что за козу, вообще-то, отец прошлой осенью заплатил три серебряных монеты. А тут нате – дыма он испугался!

И Милован пошел на дым – вдруг там его козу готовят?

Лагерь разбойников устроился в ложбине между двумя гранитными лбами, поросшими мхом. Земля вокруг обложенного камнями кострища была вытоптана до глины, а значит, лагерь стоял здесь давно и обжился – то тут, то там виднелись убогие жилища: навесы из

еловых лап, натянутая между деревьями ткань... У костра сидели трое. Самый здоровый, с рыжей бородой, в которой путались хвойные иголки, длинной деревянной ложкой помешивал в котелке какое-то ароматное варево, а двое других резались в кости на раскошемся бочонке. Еще один, худой и длинный, как жердь, стоял на краю ложбины и смотрел в лес. Смотрел прямо на незваного гостя.

Милован так и не понял, почему не побежал тогда, когда было еще не поздно. Ноги его словно приросли к земле, а в животе стало холодно, будто он выпил залпом ковш родниковой воды.

Длинный кликнул остальных. Рыжий поднялся, с кряхтением разогнув спину, взял что-то с земли – не то секач, не то топор, Милован толком не разглядел, – и двинулся в сторону забредшего на огонек путника. Двинулся неторопливо, как человек, который знает лес и не боится, что «добыча» вдруг уйдет.

– Ты чей будешь, бледный? – подойдя на расстояние вытянутой руки, спросил рыжий.

Милован и рад был бы ответить, он даже открыл рот, но язык будто прилип к нёбу, и вместо слов получилось лишь сипение.

Рыжий хмыкнул и прищурился. Взгляд его упал на наполовину прикрытую шею. Лес за спиной бородатого шумел ровно, без порывов, а вот дыхание разбойника вдруг заволновалось, ускорилося... Он протянул ручищу – пахнущую луком широченную ладонь с вьезшейся в складки сажей – и рванул ворот рубахи Милована. Ткань затрещала, и бородач притянул гостя ближе. Вгляделся в шею, туда, где над ключицей темнело родимое пятно. В Сосновке эту метку знал каждый: похожая на крыло с тремя перьями, она расплзалась от кадыка до самого плеча, и лет двадцать назад, когда Миляй был маленьким, мать мазала пятно медвежьим салом, чтобы не зудело на солнце. Теперь сало не помогало, да и мать уже два года как лежала за церковной оградой...

– Ты глянь! – сказал рыжий и обернулся к лагерю. Голос его стал другим, настороженность исчезла, уступив место чему-то похожему на азарт. – Метка! Никак сам Вороной Атаман к нам забрел!

Из-за бочонка поднялся один из игроков, приземистый, с блестящей от пота бритой головой, и уставился на Милована так, словно перед ним из земли вырос гриб размером с тележное колесо – подозрительно, но с почтением.

Бородач взял Милована под локоток и усадил подле костра, вокруг которого тут же собрался весь лагерь – человек пятнадцать.

– Ай да Вороной! Как же тебя занесло-то в наши края? – спросил главарь разбойников.

Милован попробовал возразить. Сказал, что никакой он не атаман, а гончаров сын. Что отец ждет его к ужину. И что коза, серая, со рваным ухом, все еще где-то в лесу.

Рыжий бородач слушал, кивая, а потом хлопнул его по плечу так, что в голове зазвенело.

– Дело понятное, – сказал он. – Хоронишься. Мы б тоже хоронились, кабы нас князьки ратники по всем лесам рыскали...

– Дык мы вроде и так хоронимся, – промямлил кто-то из разбойников, одноглазый. Рыжий зыркнул исподлобья, и тот заткнулся. Сам продолжил говорить:

– Ты, Вороной, не ссы. Своих не выдаем. Мы люди простые, лесные. Чего тут не понять? Каждому охота жить тихо.

В лагере заржали, но Милован так и не понял, что смешного было в словах бородатого здоровяка. Зато понял: отнекиваться сейчас от имени Вороного Атамана себе дороже – ситуация, в которую он вляпался, выглядела паршиво. А так его вроде и убивать никто не собирался, и вот похлебки в миску налили.

Миловану сунули в руку щербатую деревянную ложку, обгрызенную по краю. Бритый, что играл в кости, подсел поближе и стал расспрашивать, каково оно – держать в страхе целый уезд. Милован многозначительно помалкивал, отделяваясь мычанием, хлебал жирное варево

и думал о том, что ситуация все еще может выйти из-под контроля, его раскроют и убьют, поэтому надо уходить. Но когда он доел и поднялся, длинный, что стоял на часах, мягко положил руку ему на плечо:

– Сиди, Вороной, смеркается. Завтра с петухами проводим, куда скажешь.

И весь лагерь вновь содрогнулся от смеха...

Ночь Милован провел на куче лапника, укрывшись чьим-то плащом, провонявшим конским навозом. Рядом храпел рыжий. У костра стоял дозорный. Угли в костре подергивались сизым пеплом и разгорались сильнее, когда налетал ветер. Милован лежал на спине, смотрел в небо – в чужое, слишком черное, без привычного отсвета деревянных изб – и размышлял, чем может закончиться его невольная ложь, если и дальше продолжать ее придерживаться. Либо погибелью, либо... чем-то похуже! Чем именно, он так и не придумал. Поэтому, решено: завтра он все им объяснит. Утром, на свежую голову, они поймут, посмеются над этим недоумением и отпустят его подобру-поздорову. Милован – и Вороной Атаман? Ха! Надо же было такое выдумать.

Его разбудил запах жженой шерсти. Это бритый пытался просмолить нить – дратву – над костром и подпалил рукав. Завтракали остатками вчерашней похлебки и черствыми корками. Под конец трапезы Милован собрался с духом и открыл рот, чтобы рассказать правду, но рыжий его опередил:

– Мы тут с ребятами посоветовались и решили: ты, Вороной, пока побудь с нами. Места тут глухие, ратники не сунутся. А мы тебе сгодимся. Четыре руки – не две, сам ведаешь.

Милован сделал еще одну попытку объяснить, что это ошибка, попробовал рассказать про отца, про гончарную печь, про то, что никогда не держал в руках ничего тяжелее серпа, и что он их не выдаст, если они его отпустят. Рыжий похлопывал его по плечу и смотрел почти с отеческой лаской, как на несмышленища, который городит небылицы, но делает это так искренне, что даже умиляет.

– Ничего тяжелее серпа, говоришь? – переспросил он и подмигнул бритому. – Лют, а помнишь, как именно Вороной Атаман трех стражников в Белом Логе одной рукой уложил? Серпом-то по горлу – оно сподручнее, чем мечом. Я тебе верю, Вороной, верю, серп – оружие простое, мужицкое. Кто ж на серпа подумает, что убивать идут? – Он немного помолчал и добавил: – А то, что ты тут сказки городишь... Уж не знаю я, Вороной, то ли легенду ты так держишь, то ли башкой стукнулся... или стукнули! Повторю – мы своих не бросаем, будь ты хоть хворый, хоть контуженый, хоть сказочник. Гончар, говоришь? Значит, гончар. Я вот тоже раз прикинулся конюхом, когда решил в богатый дом залезть... – И он пустился в долгие переказы своей лихой молодости.

Через час или два шайка ушла с лагеря, и Миловану пришлось идти с ней – разбойники не оставили ему выбора. Впрочем, у него еще теплилась надежда как-то выкрутиться из этой ситуации, ну не будут же они его везде с собой таскать, как соломенную куклу? В крайнем случае он сделает то, чего – скованный ужасом – не сделал вчера: сбежит, как только представится такая возможность!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.